

обвиняемому обвинения, составления обвинительного заключения (обвинительного акта).

Представленными в докторских диссертациях А.С. Барабаша и М.Т. Аширбековой разными оценками публичности не исчерпывается весь спектр взглядов отечественных процессуалистов на содержание данного феномена. Есть и еще один оригинальный подход, в соответствии с которым публичность — это и начало, и принцип уголовного судопроизводства⁴.

Такой широкий диапазон мнений о существовании публичности российского уголовного процесса свидетельствует о многозначности обсуждаемого явления, дискуссия вокруг которого способствует его более глубокому изучению и адекватному (а значит — более «мощному») отражению в законодательстве и практике расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Примечания

¹ Исаева Н.П. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве. Уфа, 2009.

² Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.

³ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волжский, 2009.

⁴ См.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

*Ю.К. Орлов**

О ПОНЯТИИ ЦЕЛЕЙ (НАЗНАЧЕНИЯ) УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Любая человеческая деятельность преследует достижение каких-то целей, имеет свой смысл, назначение. Это целиком относится и к уголовно-процессуальной деятельности. Цели уголовного процесса могут быть разнообразными, и поэтому возможна и необходима их какая-то градация, деление по определенным признакам. Так, можно выделить цели конечные и промежуточные. Промежуточные цели представляют собой этап в достижении конечных, необходимую предпосылку такого достижения. Например, установление обстоятельств дела (или

* © Орлов Ю.К., 2010

Орлов Юрий Кузьмич — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина

получение истины, что бы мы под ней ни понимали) — это всегда промежуточная цель, необходимое условие принятия какого-то решения по делу. Существуют также цели основные и вспомогательные (побочные), реализуемые параллельно с основными, и производные от них (например, формирование уважительного отношения к суду и закону или выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления).

Однако все они подчинены какой-то общей, основной цели, которая определяет смысл и назначение уголовного процесса (или, говоря более высоким стилем, предназначение), а все остальные — производные от нее или сопутствующие ей.

Выделить эту основную цель уголовного процесса, его назначение в общем-то несложно. Для этого нужно выявить то социальное явление, которое вызывает его к жизни, определяет смысл его существования и без которого он становится ненужным.

Причем это относится не только к уголовному процессу, но и к любому другому виду человеческой деятельности. Поэтому для наглядности начну с общедоступной и наглядной аналогии. Например, целью, назначением любого транспорта является осуществление перевозок. Все остальное — безопасность пассажиров, сохранность груза и прочее — лишь условия такого осуществления. Если отпадет необходимость в перевозках, то транспорт станет ненужным. И, наоборот, если эти условия признать основной целью, то транспорт лучше запретить. Тогда эти цели будут выполнены на 100 %. Но современное общество на это пойти не может и вынуждено мириться с такими издержками, стремясь, по возможности, свести их к минимуму.

Точно так же обстоит дело с уголовно-процессуальной деятельностью. Очевидно, что она является необходимой только потому, что существует такое социальное явление, как преступность. Если бы ее не было (представим себе такой фантастический вариант), то автоматически отпала бы и необходимость в уголовном процессе.

Таким образом, основная цель (назначение) уголовного процесса — борьба с преступностью (точнее, с преступлениями, поскольку преступность — понятие социальное, более широкое). Именно для этого он и существует, без этой цели он просто теряет свой смысл.

Все остальное — соблюдение прав личности и прочее — лишь условия осуществления этой цели, чтобы она достигалась не всякими, а лишь соразмерными средствами. Если же эти условия провозгласить целью, то тогда уголовный процесс лучше вообще запретить (как в примере с транспортом), и тогда уж точно ничьи права ущемлены не будут, не будет никакого принуждения.

Как же регламентирован этот вопрос в действующем УПК?

Сначала о терминологии. Как известно, прежний термин «задачи судопроизводства» (кстати, существующий во всех других процессуальных кодексах) заменен на «назначение». Однако этот термин скорее является литературным (иногда с возвышенным оттенком, как синоним «предназначения»), может применяться и в науке, в праве же никогда не использовался (точнее, использовался, но совсем в другом смысле, например, «назначение экспертизы» или «назначение судебного заседания»). Видимо, это все та же тенденция к терминологическому новаторству, столь характерная для УПК (чего стоит только замена общепринятого термина «обязан» на «не вправе» — ст. 56—60 и др. УПК).

Теперь по существу. Эти задачи (назначение) в действующем УПК определены крайне узко и ограниченно — только как защита прав и интересов сторон (ст. 6). Нет даже защиты интересов государства (можно подумать, у нас нет ни шпионажа, ни других государственных преступлений). Отсутствует такая нейтральная задача, как формирование уважительного отношения к закону и суду (кстати, закрепленная в ГПК — ст. 2 и в АПК — ст. 20), то есть исключены абсолютно все социальные цели уголовного процесса. Для сравнения: в гражданском и арбитражном процессе, где в отличие от уголовного, действует принцип диспозитивности, а не публичности, эти цели представлены гораздо более полно — укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений и др. (ст. 2 ГПК, ст. 2 АПК). Казалось бы, в уголовном процессе, где расследуются и рассматриваются дела о преступлениях, то есть о самых опасных проявлениях, касающихся всего общества, а не только спорящих сторон, должны превалировать социальные цели. Но мы видим обратную картину.

Как же должны быть определены эти цели в законе?

Для этого нужно установить их иерархию. Представляется, эта иерархия должна быть следующей (автор оговаривается, что не претендует здесь на точность формулировок).

На первом месте должны быть наиболее общие, высшие социальные цели — борьба с преступностью, предупреждение правонарушений, укрепление законности и правопорядка, формирование уважительного отношения к закону и суду.

На втором месте — наиболее важные промежуточные цели — изобличение виновных, реабилитация невиновных, назначение справедливого наказания. Точнее, они являются конечными при производстве по конкретному уголовному делу, но промежуточными по отношению к более общим целям.

И на третьем — цели-условия — защита прав и законных интересов сторон, охрана прав и свобод человека и гражданина. Строго говоря, такая защита и охрана являются, как уже говорилось, не целью уголовного

процесса, а условием ее достижения, но ввиду исключительной важности и значимости этого положения лучше его закрепить вместе с целями.

И в заключение — о соотношении понятий целей и принципов уголовного процесса. Если цель уголовного процесса — это желаемый результат, то принципы — наиболее важные правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности или средства достижения такой цели. Можно выделить две категории принципов. Первая — принципы-ограничения. Они лимитируют средства достижения целей с тем, чтобы это было не во вред другим социальным ценностям (например, неприкосновенность личности или неприкосновенность жилища). Вторая категория — это принципы, определяющие наиболее оптимальный порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающие ее эффективность и результативность (например, принцип гласности или языка судопроизводства).

Всякий принцип должен действовать только в тех пределах, в которых он содействует достижению цели и не может превращаться в самоцель. Поэтому закон устанавливает различные ограничения (исключения) в действии принципов, например, ограничения в действии принципа гласности (данный принцип в действующем УПК «понижен в ранге», низведен до уровня общего условия судебного разбирательства — ст. 241. Но фактически он остается принципом хотя бы потому, что прямо закреплен в Конституции РФ — ст. 123).

Смешение принципов и целей недопустимо. Между тем такая подмена цели принципом нередко наблюдается и в теории, и на практике, и даже (хотя бы косвенно) в законе. Особенно наглядно такая абсолютизация и гипертрофизация принципов проявляется применительно к принципу состязательности. Как уже говорилось, сами цели (назначение) уголовного процесса сформулированы исходя из принципа состязательности — только как защита прав сторон. Еще более четко это проявляется в формулировке самого принципа состязательности (ст. 15 УПК), в соответствии с которой суд лишь создает условия для деятельности сторон, то есть выступает в роли безгласного арбитра. Однако то, что хорошо для спортивного судейства, мало подходит для уголовного судопроизводства, целью которого является не выявление сильнейшего, а другие, гораздо более высокие социальные ценности.

В науке ярким примером абсолютизации принципа состязательности является трактовка цели уголовного судопроизводства как разрешение конфликта между личностью и государственной властью¹. Однако уголовный процесс, в отличие от гражданского, никак не может быть сведен лишь к спору и состязанию. Это вам не раздел дачного участка, который ничьих интересов, кроме спорящих сторон, не затрагивает (хотя и там,

как говорилось, законодательно закреплены более высокие социальные цели). В уголовном же процессе все обстоит иначе. Находящийся на свободе маньяк опасен для всех. Поэтому высшими целями уголовного процесса должны быть интересы всего общества.

Примечания

¹ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства. М., 2003, С. 36.

*В.А. Лазарева**

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовное преследование, то есть деятельность, направленная на изблечение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, является тем механизмом, который движет уголовное судопроизводство: «если оно не возникает либо, возникнув, аннулируется (прекращением дела, отказом прокурора от обвинения в суде, примирением обвиняемого и частного обвинителя), прекращается и процесс»¹. Это значит, что уголовное судопроизводство по конкретному уголовному делу осуществляется до тех пор, пока уполномоченные органы обвинительной власти продолжают свою обвинительную деятельность. Даже в том случае, когда противостоящая обвинению сторона оспаривает достигнутые в ходе уголовного судопроизводства результаты (допустим, обжалуя вступивший или не вступивший в законную силу приговор), процесс движется стороной, продолжающей доказывать обвинение в вышестоящих судебных инстанциях: если обвинитель соглашается с доводами стороны защиты, спор, а с ним и процесс прекращаются. В силу известных причин уголовное преследование не может осуществляться беспредельно и бесконечно, поэтому важно определить границы обвинительной деятельности в уголовном процессе.

Решение поставленного вопроса зависит от того, насколько уголовный процесс России является состязательным.

Смешанность уголовного судопроизводства России, наличие в нем розыскных и состязательных начал нередко служат причиной для кри-

* © Лазарева В.А., 2010

Лазарева Валентина Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета